

Страшное горе пришло в нашу семью. Мы потеряли своего сыночка... Специалисты родильного дома № 1 сделали все, чтобы он погиб в стенах медицинского учреждения. Мне бы хотелось в назидание другим беременным женщинам рассказать, как это произошло.

В первой половине января 2012 года УЗИ подтвердило, что я беременна. И хотя срок был примерно две недели, но я сразу же обратилась в женскую консультацию для постановки на учет. Врачи, сославшись на маленький срок, посоветовали прийти, когда будет 12 недель. На мои возражения, в том числе и о возрасте, мне уже за 40, никто внимания не обратил. Лишь в феврале 2012 года на сроке 10-11 недель меня поставили на учет по беременности в женской консультации роддома № 1. А дальше начались мытарства. Периодически врачи выявляли то одно, то другое заболевание и направляли на консультации к специалистам. При этом никто из медиков не щадил моего здоровья. Но все, кто наблюдал меня, кто, как мне казалось, должен был сделать все, чтобы новый гражданин страны появился на свет, унижали меня. Чего только я не наслушалась за время беременности от наших камчатских медицинских светил: и что у ребенка синдром Дауна и надо срочно избавляться от плода, и что у ребенка отсутствуют кости носика, и многое другое в свой адрес... Благо, что ни один из установленных диагнозов не подтвердился. Но чего это стоило мне и моим близким! Каждые две недели с марта по конец мая мне делали УЗИ плода, для выявления каких-либо аномалий. Но с ребенком все было в порядке, он развивался без всяких отклонений, вопреки всем устрашающим диагнозам, которые ему пытались приписать. Все это отображено в моей диспансерной книжке, и где все копии УЗИ подклеены. 24 августа, на сроке 37 недель, врач Т. С. Тихановская сделала контрольное УЗИ, которое показало, что ребенок стал отставать в росте на 2 недели, т.е. соответствовал сроку 35-36 недель. Был поставлен диагноз – заторможенное внутриутробное развитие (ЗВУР). Ребеночек перестал набирать вес, но был доношенным, т.е. его вес был 2 кг 680 гр. Также мне было сказано, что у ребенка начали формироваться кости, пошел процесс кальцинирования скелетика. С этим УЗИ я отправилась на консультацию к заведующей родильного отделения Т. Г. Поликаренко в надежде, что меня госпитализируют и подготовят к плановой операции в срок 38 недель. Но заведующей отказала и предложила прийти не ранее, чем в 40 недель. А тут пошла смена врачей: Павлова ушла в отпуск. Сменившая ее Шабдыраева не удосужилась даже прочитать установленный диагноз, с тем и отправила меня домой.

В начале сентября я решила оплатить индивидуальный пост в родах, т.к. опасалась за свое здоровье и ребеночка. Да и роддом был переполнен. Созвонившись с главным врачом Еленой Дорошенко, мы договорились о встрече. Разговор был недолгим. При этом Дорошенко меня заверила, что «ее квалификация и опыт позволяют ей делать любые операции, если вдруг встанет вопрос об экстренном оперативном вмешательстве».

6 сентября 2012 года я заключила договор на оказание платных услуг по родам с роддомом № 1 в лице главного врача Е. А. Дорошенко. Тем самым, обязав ее по договору «в индивидуальном порядке заниматься родами, а так же принимать все соответствующие решения». Знать бы тогда, чем все закончится, я бы пошла в другой роддом.

10 сентября меня кладут в роддом, чтобы уже 12 сентября выписать по причине якобы повышенного срока беременности. На все мои доводы о том, что я переживаю,

действия на врачей не возымели. Как потом оказалось, понадобилось место для другой роженицы и меня выпихнули под предлогом отсутствия мест в роддоме.

20 сентября я повторно ложусь в роддом № 1. На мои просьбы начать стимуляцию родов немедленно врач Дорошенко не отреагировала и, как она заявила, «надо ждать естественного процесса». 21 сентября под роспись мне дали таблетку, потом еще одну. Через три дня я почувствовала себя плохо, а у ребенка начались перепады с сердцебиением. Но все это время меня заверяли, что все хорошо и причин для волнения нет. Лишь 27 сентября, спустя неделю, когда уже требовалось оперативное вмешательство, мне предложили оплатить обезболивающий эпидуральный наркоз, стоимостью около четырех тысяч рублей в час. Все это время Дорошенко оскорбляла и упрекала меня в том, что я плохо рожаю, и что я убийца своего ребенка.

Понадобилось более 18 часов, чтобы ребенок появился на свет, но с признаками удушья, синего цвета, с остановленным сердцем и деформированной головкой.

Проведенная реанимация запустила сердце малыша, ему дали кислород, малыш задышал, его унесли в реанимационное отделение. На мою просьбу принести ребенка, чтобы он лежал возле меня, врач Дорошенко потребовала замолчать, добавив при этом, что мои роды – стресс для нее, как для врача. Спустя час пришли детский врач вместе с анестезиологом и стали расспрашивать, отчего ребенок оказался переносным?

Тем временем в детской палате лежал мой сыночек. По заключению педиатра, ребенок родился сильно переносным, из-за этого у него началось отслоение кожного покрова и другие признаки переносности плода. Я ходила к малышу каждые 2 часа. Мне говорили, что ребенок в очень тяжелом состоянии, но я даже не допускала мысли, что он умрет. Детские врачи боролись за жизнь ребенка до последнего. И все же 29 сентября около 13 часов дня за мной пришла медсестра и пригласила в реанимацию, где на моих глазах ребенок умер от остановки сердца.

Как же так, беременность протекала хорошо, я регулярно посещала женскую консультацию, сдавала анализы, которые были в норме, выполняла все предписания врачей, никаких проблем с внутриутробным развитием плода не было, ребенок был здоров, а итог столь печален.

Скорее всего, причина трагедии не только в бездушии врачей, но и в отсутствии профессионализма и ответственности перед теми, за кого ты в ответе. И врач-гинеколог, и врач-акушер, не просто медики, это специалисты, отвечающие сразу за две жизни. И никто не давал им права так безответственно разбрасываться диагнозами, совершенно не думая, какую травму они наносят беременной женщине. Как оказалось, врачам роддома № 1 гораздо проще убить еще не рожденного младенца, чем провести обследование женщины или отправить на обследование за пределы Камчатки, если уж сами не могут и не знают, как это сделать. Четыре года назад меня уговорили сделать аборт именно врачи женской консультации, о чем я очень сожалею. Сегодня, как и тогда, доморожденные специалисты упирали на мой возраст. Да, мне уже 42 года, мужу 49 лет. Возможно, у нас это была последняя надежда иметь своего ребенка. Но я лишилась такого права. Хотя меня Дорошенко лично заверяла, что по всем показаниям, в том числе и возрастным, роды пройдут с помощью кесарева сечения и в срок около 38-39 недель. Но сделано этого не было. Считаю, моего ребенка убила врач Елена Дорошенко. И, скорее всего, из-за своей некомпетентности, отсутствия достаточного опыта помноженного на амбиции.

Теперь только холмик земли, да деревянный крест с погремушкой и соской - вот и все, что осталось от моего сыночка. И это мой тяжкий крест на всю жизнь.

Елена СИЛАНТЬЕВА.